

А. П. Чехов

**Статьи, рецензии, заметки.
1881 - 1902**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ч-56

Чехов А.П.
Ч-56 Статьи, рецензии, заметки. 1881 - 1902 / А. П. Чехов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 228 с.

ISBN 978-5-458-04430-1

Полное собрание сочинений и писем Антона Павловича Чехова в тридцати томах — первое научное издание литературного наследия великого русского писателя. Оно ставит перед собой задачу дать с исчерпывающей полнотой все, созданное Чеховым. При этом основные тексты произведений сопровождаются публикацией ранних редакций и вариантов. Серия сочинений представлена в восемнадцати томах., (Исключены разделы «Варианты» и «Примечания»).

ISBN 978-5-458-04430-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А.П. Чехов, 2021

Антон Павлович Чехов
Том шестнадцатый
1881–1902

СТАТЬИ, РЕЦЕНЗИИ, ЗАМЕТКИ

Сара Бернар

Побывавшая на обоих полюсах, избородившая своим шлейфом вдоль и поперек все пять частей света, проплывшая все океаны, не раз летавшая под самые небеса, тысячу раз известная Сара Бернар не побрезговала и Белокаменной.

В среду, часов в 6 1/2 вечера, два локомотива величаво подползли под навес Курского вокзала, и мы увидели всесветную, легендарную диву. Мы увидели ее... но чего нам стоило это?! Нам помяли бока, оттоптали ноги; у нас болят глаза, потому что мы пальцами растянули наши орбиты, чтобы сквозь вокзальный полумрак на платформе получше рассмотреть дитя Парижа, так кстати нарушившее наш уродливый покой.

И Москва стала на дыбы...

Два дня тому назад Москва знала только четыре стихии, теперь же она неутомонно толкует о пятой. Она знала семь чудес, теперь же не проходит и полминуты, чтобы она не говорила о восьмом чуде. Те, которым посчастливилось достать хоть самый маленький билет, умирают от нетерпения, ожидая вечера. Забыты глупая погода, плохие мостовые, дороговизна, тещи, долги. Нет того канальи-извозчика, который, сидя на козлах, не разводил бы рацеи о приезжей. Газетчики не пьют, не едят, бегают, суетятся. Одним словом, артистка стала нашей *idée fixe*. Мы чувствуем, что в наших головах происходит нечто подобное первичному умопомешательству.

Про Сару Бернар писали и пишут ужасно много! Если бы мы собрали все то, что было написано о ней, и продали бы на пуды (по полтора рубля за пуд) и если бы мы пожертвовали полученную от продажи сумму Обществу покровительства животных, то — клянемся нашими перьями! — лошади и собаки обедали бы и ужинали по меньшей мере у Оливье или у Татар. Писали много и, разумеется... вралли много. Вралли, кажется, больше, чем не вралли. Писали о ней французы, немцы, негры, англичане, готтентоты, греки, папагоны, индийцы... Напишем и мы о ней что-нибудь, напишем и постараемся не врать.¹

Наружности ее описывать не станем по двум весьма основательным причинам: во-первых, наш талантливый художник г. Чехов даст в следующем номере портрет, а во-вторых, наружность парижско-семитическая не поддается описанию.

М-ше Сара Б. родилась в Гавре от отца еврея и матери голландки. В Гавре прожила она, к счастью, не долго. Судьба, в образе ужасной бедности, загнала ее мать в Париж. Попав в Париж, Сара поступила в консерваторию. На приемном испытании в консерватории она прочла басню Лафонтена с таким чувством и выражением, что гг. экзаменаторы не замедлили поставить ей самый высший балл и занести ее в число принятых. Не прочти она басню с чувством, получи единицу, не пришлось бы ей, пожалуй, побывать в Москве. Воспитывалась она в монастыре. Будучи порядочной фантазеркой, она чуть-чуть не постриглась в монахини; однако артистическая струнка и огонек, гулявший по всем жилкам, помешали этому намерению.

Впервые выступила она на сцену в 1863 г. Она дебютировала в *Comedie*

Francaise и потерпела кораблекрушение: ее ошкарли. Понесши фиаско и не желая здесь, в Comedie Francaise, играть вторые роли, она перешла в Theatre de Gymnase. Здесь счастье ей улыбулось. На нее обратили внимание. В Theatre de Gymnase пробывла она не долго. В одно прекрасное утро директор театра получил следующую записку: «Не рассчитывайте на меня. Когда вы прочтете эти строки, я буду уже далеко». В то время, когда т-г директор распечатывал эту записку и наделал на нос очки, Сара Бернар была уже по ту сторону Пиренеев.

Человек вообще ужаснейший невежа... Заставить его помнить о себе трудно. Легкомысленные французы совершенно забыли про Сару, пока она разъезжала на испанских почтовых в стране померанцев и гитар. Когда она возвратилась в Париж, ей пришлось поцеловаться со всеми театральными замками: двери театров для нее были заперты. Кое-как добилась она местечка в театре Porte Saint-Martin, — местечка статистики на двадцатипятирублевое жалованье. Занимая это ничтожное местечко, она ревностно изучала роли пьес, даваемых на сцене Odeon'a, и ее работы увенчались успехом. В 1867 году она выступила на сцене Odeon'a в ролях Анны Дамб в «Кине» и Занетты в пьесе Коппе. В роли Занетты Сара превзошла все на свете. Успех был так грандиозен, что генерал от французской литературы Виктор Гюго нарочно для Сары Бернар написал роль королевы в «Рюи Блаз»... Дотоле микроскопические драматурги, благодаря игре Сары, начали выдвигаться вперед и сделались видимыми... Так она выдвинула Коппе. С вторичным поступлением Сары на «первую сцену Франции», в Comedie Francaise, слава ее настолько выросла и упрочилась, что не было в Париже ни одного легкомысленного француза, который не знал бы «notre grande Sarah».²

Девиз Сары — «Quand meme», то есть «во что бы то ни стало». Девиз хорош, эффектен, ослепителен, паразителен и вызывает чихание. Женское «Quand meme» ужаснее мужского: это засвидетельствуют вам все мужья... «Quand meme» Сары — упрямо, настойчиво. С ним Сара Бернар бросалась очертя голову в такие тартары, сквозь которые можно пробраться уму недюжинному и воле по меньшей мере железной. Она прошла, как говорится, сквозь огонь, воду и медные трубы... Кончилось тем, что она прослыла «самою оригинальною женщиной».

Любит она больше всего на свете... рекламу. Реклама — ее страсть. «Figaго» и «Gaulois» во вторую половину семидесятых годов только тем и занимались, что во все лопатки воспевали «grande Sarah»... Репортеры целыми армиями ходили за ней и наступали на ее шлейф. В ее передней всегда толпится такая толпа, которая ничто в сравнении с толпой кредиторов, наполняющих переднюю прокутившегося купеческого сына. Реклама — великое дело. Она дала состояние и имя Иоганну Гоффу и конечно играла не малую роль в баснословных подвигах Сары.

Больше всего на свете не любит Сара немцев... На здоровье!

Сара Бернар соперничает со всеми музами. Она скульптор, живописец, писатель и все что хотите. Группа ее «После бури» — довольно серьезная работа. За нее получила она в «салоне» похвальный отзыв. В живописи она похрамывает, но все-таки ее кисть не лишена широких, сочных взмахов... В обоих искусствах она реальна.

В 1879 году Сара была в Лондоне, и «во время ее лондонских гастролой, — говорит „Фигаро“, — не было в Лондоне ни одного англичанина, страдавшего

сплином». В прошлом году директор Comedie Francaise получил от нее такую записку: «Не рассчитывайте на меня и проч.» Когда m-г директор распечатывал эту записку и надевал на нос очки, Сара была уже по ту сторону океана, в Америке... В Америке она творила чудеса... Летала на поезде сквозь горящий лес, сражалась с индейцами и тиграми и т. п. Посетила там, между прочим, профессора черной магии и волшебника Эдисона, который показал ей все свои телефоны и фонофоны. По свидетельству французского художника Робида, американцы выпили все озеро Онтарио, в котором выкупалась Сара... В Америке она дала (horribile dictu!)³ 167 представлений! Цифры сборов так длинны, что их не выговорит любой профессор по математике... Говорят, что французы к ней уже охладевают...

Когда она возвратилась из Америки, ее не пригласили в Comedie Francaise, а это... В настоящее время она путешествует... Обьезжает города и веси Европы и пожинает лавры, тщательно минуя Берлин. Бедные немцы! Впрочем, нет худа без добра, лишняя сотня тысяч рублей останется дома, в немецких карманах, а сотня тысяч годится детишкам на молочишко...

В Одессе Сару приняли несколько эксцентрично: обрадовались, крикнули ура и бросили в карету камушком... Неприлично, но зато оригинально... Камень коснулся Сары, как окружность касательной... M-г Жаретту кусок каретного стекла залез в глаз... Дебют в холодных русских степях, как видите, никуда какой...

О подвигах Сары в Москве сообщим, и сообщим беспристрастно... Как гостье скажем комплимент, а как артистку раскритикуем наистрожайше.

Опять о Саре Бернар

Черт знает что такое!

Утром просыпаемся, прихорашиваемся, натягиваем на себя фрак и перчатки и часов в 12 едем в Большой театр... Приходим домой из театра, глотаем обед неразжеванным и строчим. В восьмом часу вечера опять в театр; из театра приходим и опять строчим, строчим часов до четырех... И это каждый день! Думаем, говорим, читаем, пишем об одной только Саре Бернар. О, Сара Бернар!! Кончится вся эта галиматья тем, что мы до maximum'a расстроим свои репортерские нервы, схватим, благодаря еде не вовремя, сильнейший катар желудка и будем спать без просыпа ровно две недели после того, как уедет от нас почтенная дива.

Ходим в театр два раза в день, смотрим, слушаем, слушаем и никак не дослушаемся и не досмотримся до чего-нибудь особенного. Всё как-то сверх ожидания обыкновенно, и обыкновенно до безобразия. Смотрим не моргая и не мигая на Сару Бернар, впиваемся глазами в ее лицо и стараемся во что бы то ни стало увидеть в ней еще что-нибудь, кроме хорошей артистки. Чудаки мы! Раздразнили нас многообещавшие заграничные рекламы. Мы не увидели в ней даже ни малейшего сходства с ангелом смерти. Это сходство признано было за Сарой (как говорил кто-то где-то) одной умиравшей, глядя на которую Сара училась отправляться в конце драмы ad patres.⁴

Что же мы увидели?

Пойдемте, читатель, вместе в театр, и вы увидите, что мы увидели. Пойдемте... ну хоть на «Adrienne Lecouvreur». Идем в восьмом часу. Приближаемся к театру и видим бесчисленное множество двуглазых тархтящих карет, извозчи-

ков, жандармов, городских... Ряд гуськом возвращающихся от театра извозчиков буквально бесконечен. Съезд — размеров ужасающих. В театральных коридорах толкотня: московские лакеи налицо все до единого. Одежд не вешают, а, за неимением крючков на вешалках, складывают их вчетверо, сжимают и кладут одно платье на другое, как кирпичи. Входим в самую суть. Начиная с оркестра и кончая райком, роится, лепится и мелькает такая масса всевозможных голов, плеч, рук, что вы невольно спрашиваете себя: «Неужели в России так много людей? Батюшки!» Вы смотрите на публику, и мысль о мухах на обманном медом столе так и лезет в вашу голову. В ложах давка: на стуле сидят рара, на коленях рара — тапан, а на коленях последней — детвора; стул же в ложе не один. Публика, надо вам сказать, не совсем обыкновенная. Среди театральных завсегдатаев, любителей и ценителей вы увидите немало таких господ, которые решительно никогда не бывают в театре. Вы найдете здесь сухих холериков, состоящих из одних только сухожилий, докторов медицины, лежащихся спать не раньше не позже 11 часов. Тут и до чертиков серьезный магистр дифференциального вычисления, не знающий, что значит афиша и какая разница между цирком Саломонского и Большим театром... Здесь и все те серьезнейшие, умнейшие дельцы, которые в интимных беседах театр величают чепухой, а актеров дармоедами. В одной из лож заседает старушка, разбитая параличом, со своим мужем, глухим и гугнивым князьком, бывшим в театре в последний раз в 1848 году. Все в сборе...

Стучат. Парижем запахло... В Париже не звонят, а стучат. Поднимается занавес. На сцене m-me Lina Munte и m-me Sidney. Вы видите не совсем незнакому картину. Вы что-то подобное, кажется, видели года полтора-два тому назад на страницах «Нивы» или «Всемирной иллюстрации». Недостает только Наполеона I, стоящего за портьерой, в полутени, и тех богатых, роскошных форм, на которые так щедры французские живописцы... Начинается тараканье и трещанье на французском диалекте. Вы вслушиваетесь и ушами едва успеваете догонять расходившиеся языки картавящих французенок. Вам мало-мальски известно содержание «Adrienne Lecouvreur», вы чуточку утомляетесь следить за игрой и начинаете рассматривать... На сцене две француженки и несколько господ французов. Безупречно роскошные костюмы, не наш язык, это чисто французское умение бесконечно улыбаться — переносят ваши мысли в «о, Париж, край родной». Он припоминается вам, умный, чистенький, веселый, как вдовушка, снявшая траур, с своими дворцами, домами, бесчисленными мостами через Сену. В лицах и костюмах этих легкомысленных французов вы узнаете Comedie Française с его первым и вторым рядами кресел, на которых восседает сплошной польдекоковский виконт. Вы мечтаете, и пред вашими глазами мелькают один за другим: Булонский лес, Елисейские поля, Трокадеро, длинноволосый Доде, Зола с своей круглой бородкой, наш И. С. Тургенев и наша «сердечная» m-me Лаврецкая, гуляющая, сорящая российскими червонцами семо и овано.

Первое действие оканчивается. Занавес падает. В публике ни-ни... Тишина гробовая даже в райке.

Во втором действии показывается и сама Сара Бернар. Ей подносят букет (нельзя сказать, чтобы плохой, но и не совсем, не в обиду будь сказано, хороший). Сара Бернар далеко не похожа на ту Сару Бернар, которую вы видели на продающихся у Аванцо и Дациаро карточках. На карточках она как будто бы свежей и авантажней.

Оканчивается второе действие. Занавес падает, и публика аплодирует, но так лениво! Федотовой и даже Кочетовой аплодируют гораздо энергичнее. А как Сара Бернар раскланивается! С главою, склоненною несколько набок, выходит она из средней двери, идет к авансцене медленно, важно, никуда не глядя, точно *maximus pontifex*⁵ пред жертвоприношением, и описывает в воздухе головой не видимую простым глазом дугу. «Нате, смотрите! — как бы написано во всей ее фигуре. — Смотрите, удивляйтесь, поражайтесь и говорите спасибо за то, что имеете честь видеть „самую оригинальную женщину“, „notre grande Sarah“!»

Интересно было бы знать, какого мнения гг. гости о нашей публике? Странная публика! Американцы выпили озеро Онтарио, англичане впрягали себя вместо лошадей, индейцы целой армией сторожили поезд, в котором она ехала, чтобы ограбить ее сокровища, а наша публика не хохочет, не плачет и аплодирует, точно озябла или держит свои руки в ватяных рукавицах.

«Медведи! — так, может быть, подумают спутники Сары. — Не хохочут и не плачут потому, что не знают французского языка. Не ломают от восторга шей и кресел потому, что ни бельмеса не смыслят в гении Сары!» Очень возможно, что так подумают. Всему миру известно, что за граница не знает нашей публики. Мы хорошо видели эту публику, а потому и можем «сметь о ней суждение иметь». Театр был переполнен медведями, которые так же хорошо говорят по-французски, как и сама Сара Бернар. В райке мы видели таких знатоков, ценителей и любителей, которые знают, сколько волос на голове г. Музиля, которые обрызжут ваше лицо слюной, опрокинут расходившимися руками лампу и не извинятся, если вы начнете спорить с ними о том, кто лучше: Ленский или Иванов-Козельский. В оркестре, на местах контрабасов, барабана и флейты заседает самая что ни на есть соль мира. Публики, аплодирующей г. Музилю за то, что тот «говорит смешно», на представлениях Сары Бернар не имеется; на эти представления ей ходить незачем; для нее интереснее смотреть клоуна Танти, чем Сару Бернар. Мы видели публику, избалованную игрой покойных Садовского, Живокини, Шумского, часто выдающую игру Самарина и Федотовой, воспитанную на Тургенева и Гончарове, а главное, перенесшую в последние годы столько поучительного горя. Одним словом, мы видели публику, которой угодить очень трудно, публику самую взыскательную. Немудрено, если она не падает в обморок в то время, когда Сара Бернар за минуту до смерти энергичнейшими конвульсиями дает публике знать, что она сейчас умрет.

Мы далеки от поклонения Саре Бернар как таланту. В ней нет того, за что наша почтеннейшая публика любит Федотову: в ней нет огонька, который один в состоянии трогать нас до горячих слез, до обморока. Каждый вздох Сары Бернар, ее слезы, ее предсмертные конвульсии, вся ее игра — есть не что иное, как безокуризованно и умно заученный урок. Урок, читатель, и больше ничего! Будучи дамой очень умной, знающей, что эффектно и что не эффектно, дамой с грандиознейшим вкусом, сердцеведкой и всем, чем хотите, она очень верно передает все те фокусы, которые иногда, по воле судеб, совершаются в душе целовещеской. Каждый шаг ее — глубоко обдуманый, сто раз подчеркнутый фокус... Из своих героинь она делает таких же необыкновенных женщин, как и она сама... Играя, она гонится не за естественностью, а за необыкновенностью. Цель ее — поразить, удивить, ослепить... Вы смотрите на Adrieime Lecouvreur, и вы видите в ней не Adrieime Lecouvreur, а умнейшую, эффектнейшую Сару Бернар... Во

всей игре ее просвечивает не талант, а гигантский, могучий труд... В этом-то труде и вся разгадка загадочной артистки. Нет того пустячка в ее малых и больших ролях, который не прошел бы раз сто сквозь чистилище этого труда. Труд необыкновенный. Будь мы трудолюбивы так, как она, чего бы мы только не написали! Мы исписали бы все стены и потолки в нашей редакции самым мелким почерком. Мы завидуем и почтительнейше преклоняемся пред ее трудолюбием. Мы не прочь посоветовать нашим перво- и второстепенным господам артистам поучиться у гостыи работать. Наши артисты, не в обиду будь им это сказано, страшные лентяи! Ученье для них хуже горькой редьки. Что они, то есть большинство наших артистов, мало дела делают, мы заключаем по одному тому, что они сидят на точке замерзания: ни вперед, ни... куда! Поработай они так, как работает Сара Бернар, знай столько, сколько она знает, они далеко бы пошли! К нашему великому горю, наши великие и малые служители муз сильно хромают по части знаний, а знания даются, если верить старым истинам, одним только трудом.

Мы смотрели на Сару Бернар и приходили от ее трудолюбия в неописанный восторг. Были местечки в ее игре, которые трогали нас почти до слез. Слезы не потекли только потому, что вся прелесть стушевывалась искусственностью. Не будь этой канальской искусственности, этого преднамеренного фокусничества, подчеркивания, мы, честное слово, заплакали бы и театр содрогнулся бы от рукоплесканий... О талант! Кювье сказал, что ты не в ладу с гибкостью! А Сара Бернар страсть как гибка!

Труппа, разрезжающая с Сарой, — ни то и, пожалуй, ни се. Народ здоровый, рослый, коренастый. Имея в виду всякие могущие произойти случайности (нападения тигров, индейцев и проч.), Сара недаром возит с собой этих мускулистых людей.

Держат себя французы на сцене восхитительно. Один московский рецензент, воспевая до кровавого пота Сару Бернар, упомянул между прочим о ее уменье слушать. Это уменье мы признаем не за одной только ею, но и за всей труппой. Французы отлично слушают, благодаря чему они никогда не чувствуют себя лишними на сцене, знают, куда девать свои руки, и не стушевывают друг друга... Не то, что наши... У нас не так делается. У нас г. Макшеев монолог читает, а г. Вильде, его слушающий, глядит куда-нибудь в одну точку и нетерпеливо покашливает; так и кажется, что на лице его написано: «И не мое это, брат, дело!» Труппа очень приличная, выдрессированная, но... бесталанная. Ни то ни се...

Возвращаемся, однако, к Adrienne Lecouvreur. Или вот что, читатель! Вам надоело читать мою дребедень, а мне ужасно спать хочется. Бьет четыре часа, и у моей хорошенькой соседки горланит петух... Глаза слипаются, как обмазанные клеем, нос клонит по писанному...

Завтра опять на Сару Бернар... ох!

Писать, впрочем, про нее больше не буду, даже если редактор заплатит мне по полтиннику за строчку. Исписался! Шабаш!

«Гамлет» на Пушкинской сцене

Жил-был себе на свете очень мудрый человек. Этот мудрый человек был не от мира сего: не ел, не пил, не спал, а все науками занимался. Халат был его единственной одеждой, а кабинет, заваленный книгами, единственным увесели-

тельным местом.

— Вы бы легли спать, герр профессор! — каждую полночь обращалась к нему его кухарка. — «Вздор!» — отвечал он. (Спание-то — вздор!! Экий чудак!)

— Обедать будете, герр профессор? — каждый полдень спрашивала его кухарка. — «Некогда!»

И этого мудрого человека встретил я однажды в одном месте... в очень нехорошем месте! Он по-гусарски дул шампанское и сидел с хорошенькой пухленькой француженкой...

— Что вы делаете, герр профессор?!?! — воскликнул я, побледнев от удивления.

— Глупость, сын мой! — отвечал мудрец, наливая мне шампанского. — Я делаю глупость...

— Для чего же??!

— А для того, сын мой, чтобы проветрить малость атмосферу... За женщин и вино!

Я выпил и еще более побледнел от удивления.

— Сын мой! — продолжал мудрый человек, играя волосами француженки. — В моей голове собрались тучи, атмосфера отяжелела, накопилось многое множество... Все это должно проветриться, очиститься, стать на свое место, и я ради этого делаю глупость. Глупость глупая вещь, но она нередко действует освежающе... Вчера я был похож на гниющую траву, завтра же утром, *o bone discipule*,⁶ ты увидишь меня свежим. Да здравствует раз в год глупость! *Vivat stultitia!*

Мы выпили.

Если глупость действует иногда освежающе, то кольми же паче противоположная ей крайность!

Никто так сильно не нуждается в освежении, как наши сцены... Атмосфера свинцовая, гнетущая. Аршинная пыль, туман и скука. Ходишь в театр, честное слово, только потому, что некуда больше ходить. Смотришь на сцену, зеваешь да потихоньку бранишься.

Глупостью не освежишь театральной атмосферы по очень простой причине: к глупости театральные подмостки присмотрелись. Надо освежать другую крайностью; а эта крайность — Шекспир.

Стоит ли в театре Пушкина играть «Гамлета» или не стоит? не раз слышался вопрос. Этот вопрос праздный. Шекспира должно играть везде, хотя бы ради освежения, если не для поучения или других каких-либо более или менее высоких целей.

«Гамлет» на Пушкинской сцене был встречен с удовольствием. И публика была многочисленна, и господа артисты повеселели. Никто не зевал и тоски не чувствовал, несмотря на все нижеписанные промахи. Из театра никуда не тянуло. Сиделось охотно.

Г. Иванов-Козельский не силен для Гамлета. Он понимает Гамлета по-своему. Понимать по-своему не грех, но нужно понимать так, чтобы автор не был в обиде. Все первое действие г. Иванов-Козельский прохны, кал. Гамлет не умел хныкать. Слезы мужчины дороги, а Гамлета и подавно; и на сцене нужно дорожить ими, не проливать попусту. Г. Иванов-Козельский сильно испугался тени, так сильно, что даже его жалко стало. Он сжевал и скомкал во рту все обращение к отцу. Гамлет был решительным человеком, но не был трусом, тем более, что

он уже готов был к встрече с тенью. Сцена, где Гамлет приглашает своих друзей поклясться на мече, не удалась: Иванов-Козельский не говорил, а шипел, точно гусак, за которым гонятся мальчишки. В беседах с Розенкранцем и Гильденштерном отсутствовало достоинство. Перед ними Иванов-Козельский ломался. И т. д. и т. д. Мы могли бы исписать очень много бумаги, если бы стали изображать все промахи Иванова-Козельского... Много чувства, много шемящей за сердце задушевности, но мало самого главного. Это самое главное далеко отстоит от г. Иванова-Козельского. Мало чувствовать и уметь правильно передавать свое чувство, мало быть художником, надо еще быть всесторонне знающим. Образованность необходима для берущегося изображать Гамлета. Сцена с матерью проведена прекрасно. То же можно сказать и о сцене на кладбище. Много было прелести в игре Иванова-Козельского, и всю эту прелесть можно записать на счет его умения чувствовать... только! Он подчеркивал каждое слово, следил за каждым своим движением, рассчитывал шаги... Этот недостаток есть удел всех начинающих. Смерть с ужасным голосом и с судорогами можно было бы заменить естественною смертью.

Клавдий был недурен. Он не умел только становиться на колени. Королева, тень, Горацио и прочие были плохи. Впрочем, 1-й актер (Новиков) был хорош, у Офелии, говорят, голос был лучше, чем у г-жи Барановой, которая, впрочем, играла недурно. Теперь чисто внешняя сторона дела.

Сцена мала, декорации плохи. Торжественные возгласы короля не были по размеру к маленьким комнаткам, изображавшим дворцовые палаты. Но это не беда. На безрыбье и рак рыба, а на безлюдье и Фома человек. Г. Иванову-Козельскому иностранные костюмы так же не к лицу, как г. Ленскому черный сюртук. Далее... Для чего Горацио нарядили в шлем? Для чего выпускали из текста то, чего нельзя выпускать?

Но эти маленькие промахи бледнеют пред гениальностью того, кто первый поддал мысль поставить «Гамлета» на Пушкинскую сцену.

Лучше плохо сыгранный Шекспир, чем скучное ничего.

Фантастический театр Лентовского

Для москвичей, которые осуждены судьбой провести все лето в облаках пыли, нюхать в продолжение целого лета смесь тысячи мерзопакостнейших запахов и обливаться день и ночь потом, фантастический театр г. Лентовского новинка слишком приятная.

Некоторое время мы сердились на почтеннейшего Михаила Валентиновича. Нам надоели все те дары, которые он подносил нам с усердием крыловского Демьяна. Его «Корневильские колокола», «Жирофле-Жирофля», русский хор с своими неизменными флейтами и плясовой, несменяемый г. Гулевич, рассказывающий анекдоты, которые знавал еще и Голиаф, стрельба в цель, фокусы, приводящие в восторг одних только гимназистов, — все это так старо и так пресно! Мы возроптали и роптали бы до сегодня, если бы г. Лентовский не поднес нам презента в виде выдуманного им самим фантастического театра; за что мы делаем ему чувствительнейший реверанс...

Театр сей воздвигнут на стогнах сада Эрмитаж, в одном из тех пустопорожних мест, которые доселе были ни богу свечкой, ни черту кочергой. О начале представления дают знать звоном в здоровеннейший, вокзальный колокол...